

Владимир Кожедеев

*Свет и тъма на
стрелке*

Мосты империи, исторические детективы, детектив-загадка

Владимир Кожедеев

Свет и тьма на стрелке

«Автор»

2026

Кожедеев В.

Свет и тьма на стрелке / В. Кожедеев — «Автор»,
2026 — (Мосты империи, исторические детективы, детектив-
загадка)

Нижний Новгород. Стрелка. Место, где Ока впадает в Волгу. Здесь, на границе двух миров, тысячу лет назад темные силы построили подводный город Темноград. Здесь инженер Вересов продал душу за право построить мост. Здесь в 1916 году горстка храбрецов встала на пути тьмы. А в наши дни следователь Дмитрий Ветров сталкивается с чередой загадочных смертей, ведущих к древней тайне. Тайне, которая изменит всё. Свет и тьма. Война и мир. Ненависть и любовь. Когда враги становятся соседями, а соседи — врагами, когда на кону не просто жизни, а души миллионов, наступает время выбирать. Но самый трудный выбор — не между светом и тьмой. А между тем, что велит долг, и тем, что велит сердце. Добро пожаловать в Нижний. Добро пожаловать на Стрелку. Здесь начинается новая история.

© Кожедеев В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1.	5
Часть 2.	16
Часть 3.	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Владимир Кожедеев

Свет и тьма на стрелке

Часть 1.

Глава 1.

Солнце в зените, плавит воздух над Главным ярмарочным домом. Пестрота невероятная: купцы в поддевах, персы в халатах, бухарцы в чалмах, английские моряки. Китайские фонарики, горы арбузов, верблюды, жонглеры.

В этой толпе пробирается молодой человек в европейском сюртуке, но с русским, простым лицом. Это Николай, инженер путей сообщения. Он пытается пройти к причалам, но толпа несет его.

Вдруг его хватает за рукав чья-то рука. Старик-нищий с дикими, безумными глазами, тянет его в сторону.

Нищий (шепотом, перекрывая шум ярмарки):

– Не ходи к воде, барин! Нынче Волга не принимает! Опять воров утопленников ищет, покоя не знает. А сегодня ночью купцы немца из гостиницы видели, как он на Стрелке с нечистым торговался. Душу за товар просил! Товар-то у него... особый.

Николай брезгливо выдергивает руку:

– Поди прочь, старик. Пароход у меня через час.

Нищий отшатывается, крестится:

– Пароход! Железо-то поперек реки пустили! Гневят Матушку! Быть беде!

Николай отмахивается и выходит на высокий берег Стрелки, туда, где Ока впадает в Волгу. Вид открывается невероятный: налево – город на горах, направо – бескрайняя пойма, а прямо – слияние двух потоков, двух цветов воды.

Он достает новенькие хронометр и компас, сверяется с картами. Рядом с ним останавливается солидный господин в цилиндре, тоже любителю видом.

Господин:

– Красиво, черт возьми. Знаете, молодой человек, говорят, что именно здесь, в этом месте, где сливаются две реки, земля тоньше всего. Между нашим миром и тем. Не зря же ярмарку тут поставили. Место силы... или проклятья?

Господин хитро щурится. Николай смотрит на него с недоумением, но вдруг замечает странную деталь: от господина в цилиндре нет тени, хотя солнце печет немилосердно.

Господин улыбается, обнажая слишком белые зубы:

– Вы, я вижу, путь измеряете? А я вот судьбы меряю. Не желаете ли выгодное дельце? Товар особый... из-за моря... называется "прогресс". Платится не деньгами.

Он протягивает руку. На безымянном пальце – перстень с черным камнем, внутри которого клубится тьма.

Николай отшатнулся, споткнулся и едва не полетел с откоса вниз, в воду. Когда он поднял голову, господина в цилиндре уже не было. Только ветер гнал пыль по ярмарочной площади, да где-то вдалеке надрывно запел гудок парохода.

– Померещилось... – вслух сказал Николай, но рука его непроизвольно сжала крестик под рубашкой.

Он поселился в лучшей гостинице Нижнего – той самой, о которой говорил нищий. Номер был большой, с видом на кремль, но чувствовал себя Николай неуютно. Свечи мерцали

неровно, по стенам плясали тени, а с ярмарки доносился странный, неумолкающий гул, похожий не на людской гомон, а на вибрацию огромного, запертого под землей улья.

Он разложил на столе чертежи. Мост через Волгу. Опоры, пролеты, фермы. Его мечта, его проект. Но мысли путались. Кто этот человек? Что за «товар»? И почему от него пахло не табаком и духами, а сырой землей и тиной?

В дверь постучали.

Николай вздрогнул. Стук повторился – ровно три раза, как по уговору.

– Войдите!

На пороге стоял мужчина. Не тот, в цилиндре, а совсем другой. Широкоплечий, в купеческом кафтане, с окладистой рыжей бородой и хитрым прищуром. В руках – поднос с графином и двумя рюмками.

– Инженер-путеец? – басом спросил он, не дожидаясь приглашения, проходя в комнату. – С приездом! Не обессудь, по-соседски. Скучно одному водку хлестать. Купец я первой гильдии, Ермолай Савельич Бурмистров. Местный. Меня тут каждая собака знает.

Николай настороженно кивнул.

Бурмистров поставил поднос, плеснул водки в рюмки. Чокнулся сам с собой и выпил, крякнул, занюхал рукавом.

– Вижу, чертежи глядишь? Мост? Дело хорошее. Только ты, парень, осторожней тут. На ярмарке нашей не только товаром торгуют.

Николай нахмурился:

– О чем вы?

Бурмистров оглянулся на дверь, понизил голос:

– Видел ты сегодня кого на Стрелке? В цилиндре, глазки масляные, сам склизкий, как налим?

Николай промолчал, но побелел.

– Видел, – кивнул купец. – Это ж Он. Консультант заморский. Или, как мы его меж собой кличем, Гость. Приезжает каждый год на ярмарку. К нему купцы в очередь выстраиваются. Говорят, товар у него диковинный. Чего душа пожелает – всё даст. Машины швейные, фонографы, двигатели нефтяные... всё, что прогрессом зовется. Но только...

Купец налил еще.

– Только плата у него особая. Не рублем, не золотом. Он души берет. Да не абы как, а с уговором. Придет, значит, купец к нему, попросит, допустим, патент на станок. Гость кивает. «Будет, – говорит, – станок. Но через двадцать лет ярмарки, ровно в полночь, встретимся мы с тобой опять на Стрелке, где Ока в Волгу льется. И отдашь ты мне то, что меж волной и берегом колеблется. То, что не купишь и не продашь». Купцы наши темные, не понимают. Думают, про товар какой речь. А я знаю... – Бурмистров постучал себя пальцем по лбу. – Я старовер. Книги читаю. «То, что меж волной и берегом» – это ж душа человеческая! Пограничное состояние! А Стрелка – место тонкое. Там два мира сходятся.

Николай вскочил:

– Это бред! Мистика! Я человек науки!

– Ну-ну, – усмехнулся Бурмистров, поднимаясь. – Ты чертежики свои побереги. А то Гость на инженеров нынче охоч. Слышал я, как он вчера в Английском клубе хвастался, что к нему скоро один ученый юноша сам придет. Про мост через Волгу спрашивать. В натуре, говорит, интересно ему, как это люди через границу миров железку перекинуть собрались. Не гневим ли, мол, Бога?

Купец ушел, оставив дверь открытой. Николай стоял у окна, глядя на ночной город. Где-то внизу, в Ярмарочном переулке, зажглись огни, и под звуки шарманки закружились пары. А на темной глади Волги, там, где Стрелка разрезала воду надвое, мелькнул и погас огонек. Будто кто-то курил, стоя на самой границе миров.

Глава 2.

Три дня Николай пытался забыть слова Бурмистрова. Он ездил на место будущей стройки, промерял глубины, спорил с подрядчиками. Но странный Гость не выходил у него из головы. А главное – Николая мучил профессиональный вопрос: тот «консультант» на Стрелке говорил о мосте так, будто знает какую-то тайну. Тайну, которую не найти ни в одном учебнике сопромата.

В ночь перед отъездом в Петербург, он не выдержал.

Оставив чертежи в номере, Николай вышел из гостиницы и направился к Стрелке. Туда, где шумела вода, где луна рисовала серебряную дорогу, идущую прямо в никуда.

У самого берега стоял он. Гость. В том же цилиндре, в том же безупречном сюртуке. Тени под луной у него по-прежнему не было.

– Я ждал вас, Николай Андреевич, – голос Гостя был тих, но каждое слово врезалось в мозг. – Я знал, что любопытство победит страх. Инженеры – народ любопытный. Вам ведь интересно, как построить мост, который простоит вечность?

Николай сглотнул:

– Кто вы?

– Друг прогресса, – улыбнулся Гость. – Спонсор. Меценат. Зовите просто – Господин Ч. Так короче. У меня есть к вам предложение. Вы хотите построить мост. Самый длинный в России. Самый красивый. Но есть одна проблема: Волга не любит, когда ее сковывают. Течение там, где вы ставите опоры, – гиблое. Водовороты, плывуны, дно ненадежное. Ваш проект провалится. Если строить по науке.

– А если... не по науке? – тихо спросил Николай.

Господин Ч. шагнул ближе. Запахло тиной и чем-то сладковатым, тленным.

– Я дам вам чертеж. Особый. Секретную ферму. С ней мост простоит тысячу лет. Никакое течение не страшно. Но есть одно условие. Через двадцать лет, ровно в полночь, на этом самом месте, когда начнется всероссийская выставка, вы придете ко мне. И отдадите то, что меж водой и берегом.

Николай замер.

– Вашу душу, Николай Андреевич. Это же просто символ, аллегория. Подумайте: мост вашего имени, слава, признание! А что такое душа? Выто, ученый человек, верите, что она есть? Я, например, не очень. Это просто слово. Отдайте слово – получите дело всей жизни.

Господин Ч. протянул руку. На ладони лежал пергамент, свернутый в трубку, перевязанный черной лентой.

Волга плескалась у ног. Где-то за спиной, в городе, пробили куранты на кремлевской башне. Полночь. Время выбора.

Николай протянул руку...

Глава 3.

Старый, седой человек стоял на мосту, который построил он. Мост был прекрасен. Ажурные фермы уходили вдаль, соединяя берега. Внизу несла свои воды Волга. Но человек не любовался творением рук своих. Он смотрел на часы.

Стрелки неумолимо приближались к полуночи.

Двадцать лет он жил как во сне. Слава, деньги, признание. Мост его имени. Красивейший в империи. Но каждую ночь ему снился один и тот же сон: он стоит на Стрелке, а из черной воды тянутся к нему руки, обвивают ноги, тянут вниз, в холод, в тину.

Сегодня срок истекал.

Николай Андреевич (теперь уже действительный статский советник, академик архитектуры) тяжело опирался на перила. За его спиной послышались шаги. Не по мосту – по воде.

– Вы пунктуальны, – раздался голос, не изменившийся ни на йоту.

Господин Ч. стоял на воде, прямо посреди Волги. Луна светила сквозь него, делая фигуру почти прозрачной. Цилиндр был на месте.

– Час настал, Николай Андреевич. Я пришел за платой.

– Забирай, – хрипло сказал старик. – Жизнь прожита. Я стар. Бери свою душу, если она тебе нужна.

Господин Ч. рассмеялся. Смех был похож на треск льда.

– Душу? Вы думаете, она мне нужна? Я беру то, что между водой и берегом. Двадцать лет назад вы стояли на берегу. Я стоял на воде. А между нами – пустота, переход, возможность. Теперь...

Господин Ч. взмахнул рукой, и по воде побежала рябь. Из-под моста, из темноты, начали подниматься фигуры. Много фигур. Купцы, подрядчики, чиновники – все те, кто заключал сделку за эти годы. Они стояли по пояс в воде и смотрели на старика пустыми глазами.

– ...теперь, между нами, мост. Вы соединили берега. Уничтожили границу. Украли у реки тайну. И сегодня, в час расплаты, я забираю не вашу душу. Я забираю мост. Он перейдет в мое владение. Станет мостом между мирами. И каждую полночь по нему будут ходить... мои гости.

Фигуры в воде начали подниматься на опоры.

Старик в ужасе отшатнулся, но сильная рука схватила его за плечо и рванула назад, в тень пролета.

– Стоять, барин! – рявкнул знакомый голос. – Я ж говорил: место тонкое!

Рядом с Николаем Андреевичем стоял все тот же купец Бурмистров. Только теперь он был в старой кольчуге, с обрезом в руках, и за поясом у него поблескивали серебряные пули.

– Ермолай Савельич? Вы?.. Вы живы?

– А то! – оскалился купец. – Я, брат, двадцать лет за тобой слежу. Знал, что Гость явится. Нешто я допущу, чтоб мост, нашими мужиками строенный, чертям достался? Мы его освятим заново. Сейчас как пальнем серебром по бесам! Ты со мной, инженер?

Старик посмотрел на приближающихся утопленников, на улыбающегося Гостя, стоящего на воде, на свой прекрасный, проклятый мост. Взял из рук Бурмистрова запасной обрез.

– А была не была, – сказал он. – За Русь!

И ночь над Волгой разорвал выстрел.

Глава 4.

Николай родился не в Нижнем, а выше по Волге – в тихом купеческом Городце. Его отец, Андрей Ильич Вересов, был мастеровым, расписчиком деревянной утвари. Семья жила небогато, но честно: мать, Марфа, пекла калачи, отец расписывал прялки и дуги, а маленький Коля целыми днями пропадал на волжском берегу.

Он рос мальчишкой с вечно облупленным носом и мозолистыми руками. Лучшими друзьями его были:

Васька-Коршун – сорванец из соседней слободы, сирота, который промышлял кражей рыбы из чужих сетей, но имел золотое сердце.

Акимка-чужой – сын ссыльного поляка, вечно читавший потрепанные книжки, за что его били местные.

Вместе они лазили по обрывам, ныряли с барж и слушали бурлацкие песни. Именно тогда Коля полюбил Волгу. Но он же и боялся ее. Старики говорили, что в омутах под Городцом живет водяной – «хозяин», который топит тех, кто не уважает реку. Однажды Васька-Коршун чуть не утонул в таком омуте – его спас подоспевший бурлак, но мальчишка потом неделю бредил и рассказывал, что «кто-то белый и склизкий тянул его за ногу под воду».

Однажды мимо Городца проходил буксир— первый пароход, который увидел Коля. Огромная железная машина, пыхтящая, гремющая, плыла против течения, не обращая внимания на ветер и волны. Коля стоял на пристани, разинув рот. Рядом с ним оказался старый бурлацкий атаман, который сплюнул в воду и проворчал:

–Железка... Плюет на Матушку. Не к добру это. Рассердит реку – худо будет.

Но Коля не слушал старика. Он смотрел на пароход и думал: «Человек сделал железо сильнее воды. Значит, человек может всё».

Отец Коли умер, когда мальчику было 12. От непосильной работы, от чахотки. Марфа, оставшись одна, понимала: сыну надо дать образование, иначе пропадет. Она отвезла его в Нижний, в уездное училище. Жили впроголодь, снимали угол у дьячка в Подновье.

В училище Николай столкнулся с жестокостью: купеческие сынки смеялись над его лаптями и окающим говором. Но он был упрям. Учителя быстро заметили его талант к математике и черчению. Особенно выделял его старый учитель физики, поляк Казимир Станиславович Завадский (возможно, отец Акимки-чужого, который помог земляку).

Завадский говорил:

–Ты, Вересов, не просто считаешь – ты видишь конструкцию. У тебя дар. Таким, как ты, мосты строить, а не лапти плести.

В 15 лет Николай уже давал частные уроки отстающим купчикам, чтобы помочь матери. Он часами простаивал на кремлевском валу, глядя на Стрелку. Место слияния двух рек завораживало его. Он тогда еще не знал, что оно станет его судьбой и проклятием.

Блестяще сдав экзамены, Николай уехал в столицу. Это был другой мир. Гранит, чугун, точные расчеты. Он жадно впитывал знания. Друзей в институте у него было мало – он всё еще был «серым» волжанином среди столичной золотой молодежи. Но он подружился с Никитой Раевским – аристократом, который, в отличие от других, презирал чванство и тоже увлекался инженерией.

Никита стал его единственным настоящим другом в Петербурге. Они вместе просиживали ночи над чертежами, спорили о новых технологиях, мечтали о великих стройках.

Разговор друзей (ночь перед выпуском):

Никита (наливая коньяк):

–Ну что, Коля, скоро распределение. Останешься в столице? Тут карьера, связи, императорские дворцы...

Николай (глядя в окно на Неву):

–Нет, Никита. Я поеду домой. На Волгу.

Никита (удивленно):

–Зачем? Там же глушь, лес, купцы дикие. Твой талант там зачахнет.

Николай:

–Ты не понимаешь. Я должен построить мост там, где две реки встречаются. Я с детства думаю об этом. Там дно тяжелое, течение хитрое – никто не может. А я смогу. Я знаю Волгу. Я ее... чувствую.

Никита (серьезно):

–Чувствовать реку – это хорошо. Но ты, главное, не влюбись в неё. Говорят, волжские омуты затягивают. Не только тела, но и души.

Николай рассмеялся, но смех вышел нервным.

После института Николай вернулся в Нижний не просто инженером – он вернулся с миссией. Его проект моста через Волгу (соединяющего Нижний с ярмарочной стороной) признали гениальным, но слишком дорогим и сложным. Требовалось «пробить» его в столице, найти деньги.

И тут начались странности. Подрядчики, с которыми он говорил, внезапно отказывались от сделок. Один купец, согласившийся финансировать изыскания, через неделю утонул в Волге – упал с лодки в полный штиль. Другой сошел с ума и бормотал про «немца в цилиндре, который предлагал сделку».

Николай метался. Он уже хотел бросить всё и вернуться в Петербург. Но мать, постаревшая Марфа, глядя на него с иконой в руках, сказала просто:

–Не бойся, Коля. Дело твое правое. А ежели кто темный на пути встанет – так на то и вера наша, чтоб тьму отгонять. Только помни: за всё платить надо. Не деньгами – собой.

Николай не понял тогда этих слов. Он думал, мать говорит о здоровье и честном труде.

А через неделю он поехал на ярмарку закупать оборудование. И там, на Стрелке, его нашел Господин Ч.

Глава 5.

Возвращение к настоящему (ночь на мосту, 1916)

Старый Николай Андреевич, стоя на мосту с обрезом в руках, вдруг увидел всю свою жизнь как на ладони.

Он вспомнил Ваську-Коршуна (который спился и умер в канаве – душа, которую сгубила не река, а горе). Вспомнил Акимку (который стал народовольцем и сгинул на каторге). Вспомнил Никиту Раевского (погибшего в Русско-японскую войну, потому что «пошел защищать страну, мосты которой строят такие, как ты, Коля»).

И мать. Которая умерла за пять лет до того, как мост достроили. Она так и не увидела его творение.

– Марфа права была, – прошептал старик. – Заплатил. Всеми вами заплатил. Один остался.

– Эй, инженер! – рывкнул Бурмистров, передергивая затвор. – Не раскисай! Они стрелять будут – ты крестись и жми на спуск. Серебро беса – как кипятки!

Николай Андреевич Вересов, мальчик с волжского берега, столичный инженер, строитель и гордец, вытер слезы и вскинул ружье.

Фигуры в воде поднимались на мост. Господин Ч. стоял на воде и улыбался своей вечной, ледяной улыбкой.

– За Волгу! – крикнул старик и выстрелил.

Глава 6.

За три дня до событий на мосту, когда Николай Андреевич еще метался в предчувствии расплаты, на перрон Нижнего Новгорода сошел худошавый господин в длинном пальто и котелке. В руках – потертый саквояж, в глазах – усталость человека, который видел слишком много смертей.

Это был Алексей Иванович Русанов, частный сыщик из Петрограда, бывший следователь по особо важным делам при Министерстве внутренних дел.

Его встретил молодой щеголеватый помощник прокурора, который явно нервничал.

– Господин Русанов! Слава Богу, что вы приехали. Телеграмма из столицы... нам велено оказывать всяческое содействие, но, признаться, мы не понимаем, зачем понадобилось вызывать сыщика из Петербурга. Обычное дело – утопленник.

Русанов поправил очки, глядя на вокзальную суету:

– Обычный утопленник, говорите? А почему тогда в рапорте написано, что тело нашли висящим под мостом, а не в воде? И почему у него на груди вырезан странный знак?

Помощник прокурора побледнел:

– Откуда вы... Это же секретные бумаги...

– Я читаю всё, – оборвал его Русанов. – Ведите меня в полицейский участок. И скажите, кто вел дело.

Полицейский участок. Канавино. Ночь.

Воняет кислыми щами, махоркой и страхом. Русанов сидит напротив городского пристава – толстого, потного мужика с осолопевшими глазами.

– Третий утопленник за месяц, – докладывает пристав, разворачивая бумаги. – И все одно к одному: купцы, при деньгах, приезжие больше. Последний – Елисеев, мануфактурщик из Рыбинска. Тело нашли вчера на рассвете под мостом. Висел на цепи, привязанный к опоре. Голова в воде, ноги наружу. Аккурат так, чтоб не сразу умер, а захлебывался постепенно.

Русанов поморщился:

– Кто нашел?

– Рыбаки. Они же и сняли. Батюшка отпел, схоронили уже. Родственники приезжали, опознали. Сказали, пил сильно, мог и сам утонуть с пьяна.

– Сам себя привязал цепью к опоре и утопился вниз головой? – холодно спросил сыщик. – Вы в это верите?

Пристав замялся:

—Ну... дело темное. Местные бабы шепчутся, что это водяной гуляет. Ярмарка ведь... место нечистое.

Русанов встал:

—Ведите меня к мосту.

Тот самый мост. Ажурные фермы, лунная дорожка на воде. Внизу чернота, плеск. Русанов стоял на том самом месте, где через три дня старик Вересов будет стрелять в утопленников.

С ним был местный старик-понтонер, который работал при строительстве.

— Дед, — спросил Русанов, — ты помнишь, как мост строили?

— Как не помнить, барин. Самый шумный год в моей жизни был. Тыщи работников, инженеры, чертежи... А главный-то инженер, Вересов, молодой тогда, красивый. Глаза горят. Все говорили — гений. Только...

Понтонер замялся.

— Что? — насторожился Русанов.

— Только чудно всё было. Когда опоры закладывали, работники отказывались в воду лезть. Говорили, чудится им что-то. Будто руки из воды тянутся, будто голоса зовут. Один парень, Васька, совсем с ума сошел — кинулся в Волгу и утонул прямо на глазах у всех. А Вересов... он странно себя вел. Ночью на стройку приходил один, стоял на берегу, с водой разговаривал. Я сам видел.

— С водой разговаривал?

— Ну... как будто с кем-то. Шептал чего-то. А потом крестился и уходил. Я тогда подумал: не иначе, как с нечистым знается. Потому что мост-то вон какой — красивый, крепкий, а народ гибнет. И не только тогда. И сейчас гибнут.

Русанов задумался. В его голове начала складываться картина. Инженер-гений, одержимый идеей, странные смерти при строительстве, договор с потусторонней силой... Но кто эти купцы, которых находят мертвыми под мостом? Случайные жертвы? Или...

— Дед, а где сейчас Вересов? — резко спросил он.

— А кто ж его знает. Говорят, живет в гостинице, при моторе. Старый уже, больной. Редко выходит. Но... — старик понизил голос, — вчера вечером я его видел. Стоял на мосту, смотрел на воду. И с ним еще один был. Станный такой, в цилиндре. Постояли, поговорили, и тот, в цилиндре, ушел... прямо по воде.

— По воде?

— Ну да. Сделал шаг с моста и пошел. Как посуху. Я думал, померещилось. Перекрестился и ушел. Нечисто там, барин. Не ходите туда ночью.

Русанов побледнел. Он был человеком науки, позитивистом, не верил ни в бога, ни в черта. Но то, что он слышал, ломало его картину мира.

Глава 7.

На следующее утро Русанов без стука вошел в номер Николая Андреевича. Старый инженер сидел в кресле, бледный, с красными глазами — не спал всю ночь. На столе — пустой графин, револьвер и раскрытое Евангелие.

— Кто вы? — хрипло спросил Вересов.

— Алексей Русанов, частный сыщик. Расследую убийства... то есть смерти купцов под вашим мостом. Думаю, вы знаете, что там происходит.

Вересов вздрогнул:

— Уходите. Это не ваше дело. Здесь полиция бессильна.

— А я не полиция. Я вижу, что вы в беде. И вижу, что времени у вас мало. Расскажите мне всё. Кто он? Этот человек в цилиндре?

Вересов долго молчал. Потом, пересилив себя, заговорил. Он рассказал всё: про встречу на Стрелке двадцать лет назад, про чертеж, про сделку, про сегодняшнюю ночь, когда срок истекает. Рассказал про утопленников, которые поднимаются из воды, про Бурмистрова, про то, что мост должен перейти во владение Гостя.

Русанов слушал, и волосы у него на затылке шевелились. Но сыщицкий опыт подсказывал: этот старик не врет. Он верит в то, что говорит.

– Хорошо, – сказал Русанов, когда Вересов замолчал. – Допустим, я поверил. Но купцы... за что они погибли? Они тоже заключали сделки?

– Да, – кивнул Вересов. – Гость многие годы торговал на ярмарке. Продавал «прогресс» – патенты, машины, чертежи. А через двадцать лет забирал плату. Я думал, я один такой. Но оказалось, нас много. Десятки. И все, чей срок подошел, сейчас... там.

Он махнул рукой в сторону окна, за которым чернела Волга.

Русанов вскочил:

– Сколько их? Сколько душ должно сегодня погибнуть?

– Все, кто заключал сделку в первый год ярмарки. Я знаю троих. Один уже мертв – Елисеев. Еще двое: купец Бахрушин и фабрикант Нобель. Эмиль Нобель, племянник того самого. Он вчера приехал на ярмарку.

– Нобель?! – Русанов схватился за голову. – Боже мой, если он погибнет, будет международный скандал!

– Не будет, – горько усмехнулся Вересов. – Никто не узнает. Он просто... исчезнет. Станет одним из тех, кто ходит под водой.

Русанов забежал по комнате:

– Значит так. Сегодня ночью мы идем на мост. Все трое. Вы, я и этот ваш Бурмистров. Если Гость явится, мы должны его... остановить. Есть же способ? Святая вода? Серебро? Крест?

– Есть, – раздался голос от двери.

На пороге стоял Бурмистров. В кольчуге, с обрезом и с огромным старинным крестом на груди.

– Способ есть, барин. Только он не в пулях и не в воде святой. Способ – в правде. Надо разорвать договор. Добровольно. Чтобы Гость сам отступился. Но для этого инженер наш должен не побояться и сказать: «Забирай обратно свой чертеж, я отказываюсь». И тогда всё, что он построил, рухнет. Мост рухнет.

Вересов побледнел еще сильнее:

– Мост... рухнет? Но это дело моей жизни!

– Выбирай, инженер, – жестко сказал Бурмистров. – Душа или железки. Сегодня ночью. Они стояли втроем на мосту. Луна скрылась за тучами. Вода внизу была черной, как нефть. Ровно в полночь из темноты начали появляться фигуры.

Сначала один – купец Елисеев, с перерезанным горлом, в мокром сюртуке. Потом второй, третий... десятки. Они поднимались на мост, окружили троицу.

Из воды вышел Господин Ч. В цилиндре, сухой, улыбающийся.

– Все в сборе, – сказал он. – Даже сыщик. Прекрасно. Лишний свидетель. Вернее, лишняя душа. Вы ведь тоже хотите заключить сделку, Алексей Иванович? Правда? Узнать, кто убийца? Получить славу? Я дам вам любое раскрытое дело.

Русанов выхватил револьвер (с серебряными пулями, которые велел изготовить Бурмистров):

– Ни шагу!

Гость рассмеялся. Смех разнесся над Волгой, и от него замерзала вода.

– Глупый. Серебро мне не страшно. Я не упырь. Я – дух этого места. Я – сама Волга. Та ее часть, что не приняла крещения. Я здесь был до вас и буду после. А вы, людишки, строите мосты, пароходы пускаете, думая, что покорили реку. Но река не покоряется. Река берет свое.

Он повернулся к Вересову:

– Ну что, инженер? Выбор за тобой. Откажешься от чертежа – мост рухнет. Ты умрешь под обломками, но душа твоя будет свободна. Оставишь всё как есть – мост перейдет ко мне, и ты будешь вечно ходить под водой с этими несчастными. Решай.

Вересов посмотрел на Бурмистрова, на Русанова, на толпу мертвецов. Потом на свой мост – прекрасный, ажурный, выстраданный.

– Я.. – начал он.

В этот момент Русанов сделал шаг вперед:

– Поймите! Я понял! Я понял, как вас победить!

Все замерли.

Русанов, сыщик до мозга костей, вдруг заговорил быстро и четко, как на допросе:

– Вы говорите, что вы – дух места. Но место это – Стрелка. Слияние двух рек. Оки и Волги. Две реки – две силы. А вы – один. Значит, вы не хозяин. Вы только половина! Вторая половина – та, что добрая, – она молчит! Но если ее призвать...

Господин Ч. перестал улыбаться. Впервые на его лице появилось беспокойство.

– Откуда ты...

– Я сыщик, – усмехнулся Русанов. – Я ищу правду. И я нашел ее в старых церковных книгах. Когда крестили Русь, на Волге были места, где язычество ушло под воду, но не умерло. А были места, где святая вода победила. Стрелка – граница. Здесь добро и зло встречаются, но не смешиваются. Вы – зло. Но есть и добро!

Русанов рванул ворот рубахи, вытащил наперсный крест, который дал ему Бурмистров, и шагнул к перилам:

– Волга-матушка! Слышишь ли ты меня? Ты поила нас, кормила, ты была нам дорогой! Не отдавай нас этому! Прогони тьму!

Волга заволновалась. Вода забурилась. Из глубины, из-под моста, начал подниматься свет. Не яркий, а мягкий, серебристый, как лунная дорожка, но теплый.

Господин Ч. зашипел и начал отступать.

– Нет! Не смейте! Это мое место!

– Не твое! – крикнул Вересов, вдруг обретая силу. – Наше! Русское! Божье!

Он вырвал из рук Бурмистрова крест и, высоко подняв его над головой, пошел на Гостя. Свет из воды ударил в крест, отразился и попал прямо в Гостя. Тот закричал – страшно, нечеловечески – и начал таять, как туман на рассвете.

Фигуры утопленников заколебались, посветлели и.. исчезли. Растворились в воздухе.

А мост... мост задрожал.

Они сидели на берегу, трое измученных людей. Мост стоял. Уцелел. Только перила кое-где погнулись, да чугунные плиты потрескались.

– Выстоял, – прошептал Вересов. – Не рухнул.

– А Гость? – спросил Русанов.

– Ушел, – ответил Бурмистров, протирая лоб. – Но не насовсем. Такое не уходит насовсем. Он будет ждать. Может, сто лет, может, двести. Но вернется. Место есть место.

Над Волгой вставало солнце. Пароход дал гудок. Начинался новый день.

Вересов повернулся к Русанову:

– Спасибо, сыщик. Ты спас не только меня. Ты спас всех нас. Как ты догадался? Про две реки?

Русанов устало улыбнулся:

–Это не я догадался. Это старый понтонер сказал: «Волга – мать, Ока – дочь. Когда они встречаются, сила рождается. Только не всякая сила – злая». Я просто сложил два плюс два. Как в детективе.

Они рассмеялись. Впервые за много дней.

Но когда Русанов обернулся на мост, ему показалось, что в тени одной из ферм мелькнула знакомая фигура. В цилиндре. И помахала рукой.

Он протер глаза – никого.

Только Волга несла свои воды к далекому Каспию, равнодушная к делам людским. Или не совсем равнодушная...

1917 год. Революция.

Через год мост имени Вересова горел. В него стреляли из пушек красные и белые, по нему отступали армии, под ним тонули обозы.

Николай Андреевич Вересов умер в своем доме за месяц до революции – во сне, тихо, с улыбкой.

Бурмистров пропал без вести, когда его баржи реквизировали матросы.

А Русанов... Русанов уехал за границу, в Париж. И до самой смерти, умирая в эмиграции в 1930-х, он писал мемуары. Одна глава называлась «Нижегородский черт». Ее никто не публиковал – сочли бредом сумасшедшего.

Но в одном из московских архивов эта рукопись сохранилась.

И кто знает, может быть, однажды, в полнолуние, на Стрелке снова появится человек в цилиндре...

Часть 2.

Глава 8.

Осень 1916 год. Нижний Новгород.

Листья облетели с кремлевских склонов. Волга стала свинцовой, тяжелой, по ней поплыла первая шуга. Война была далеко, но чувствовалась везде: в очередях за хлебом, в серых шинелях на вокзале, в тоскливых бабьих песнях.

Николай Андреевич Вересов не выходил из дома. После той ночи на мосту он сильно сдал: сердце шалило, руки тряслись, а по ночам его мучили кошмары. Ему снилось, что мост рушится, падает в воду, а из-под обломков выходят утопленники и тянут к нему руки.

Русанов остался в городе. Формально – доделывал расследование, фактически – присматривал за стариком и ждал. Чего? Он и сам не знал. Но чутье сыщика подсказывало: история не закончена.

Бурмистров пропал. Исчез через неделю после битвы на мосту. Его амбар заперли, приказчики разбежались, а в доме на Ильинке поселились какие-то дальние родственники, которые ничего не знали и знать не хотели.

Русанов сидел в номере Вересова, пил чай и слушал завывание ветра за окном. Старик дремал в кресле, укрывшись пледом.

В дверь постучали. Тихо, но настойчиво.

Русанов открыл. На пороге стоял Бурмистров. Но какой! Исхудавший, бледный, с диким блеском в глазах. Одет в какой-то рваный армяк, на ногах – лапти, в руках – старинная икона.

– Пусти, – хрипло сказал он и, не дожидаясь приглашения, ввалился в комнату.

Вересов проснулся, увидел купца и перекрестился:

– Ермолай! Живой! Где ж ты пропадал?

Бурмистров рухнул на стул, налил себе чаю прямо из самовара, обжегся, но не заметил:

– Где был? В таких местах, барин, куда поезда не ходят. Под водой был. У Гостя в гостях.

Русанов и Вересов переглянулись.

– Ты как понимаешь? – осторожно спросил сыщик.

Бурмистров залпом выпил чай, перекрестился на икону, которую принес (оказалось – Казанская Божья Матерь, старинного письма), и заговорил:

– После той ночи я домой пошел. Думал, отлежусь, отмолюсь. А ночью просыпаюсь – вода в избе. По колено. И течет откуда-то из угла, из-под половиц. Я туда, сюда – а вода всё выше. Выскочил на крыльцо, а там... там не улица. Там дно. Волжское дно. Иду по песку, а надо мной – вода, рыбы плавают, солнце светит, но сквозь воду. И тишина... страшная тишина. Только сердце стучит.

Вересов побледнел:

– Как же ты выбрался?

– А вот, – Бурмистров кивнул на икону. – С ней и выбрался. Шел, шел по дну, вижу – город. Подводный. Церкви, дома, купола золотые светятся. И люди ходят – те, что потонули за многие годы. Купцы, бурлаки, стрельцы, бабы с детьми. И все глазами пустыми глядят. А в центре города – дворец. Хрустальный, светится изнутри. Там он сидит. Гость. На троне. И вокруг него – главные должники. Которые не просто душу продали, а целые города заложили. Строители, царевы воеводы, купцы ферзь гильдии. И говорит он мне: «Пришел, старовер? Хорошо. Будешь моим шутом. Смейся, пока я прикажу». А я ему: «Не смейся, бес. У меня икона с собой». И показал образ.

Бурмистров замолчал, перевел дух.

– Что было дальше? – не выдержал Русанов.

– А дальше свет пошел от иконы. Яркий такой, теплый. И Гость как зашипит, как завьется... Стены дворца трещать, начали. Я бежать. А он за мной. Гонится, но боится к свету приблизиться. Бежал я, бежал, пока не уперся в стену. А стена – ледяная. И за ней – чернота. Тьма кромешная. И голос оттуда: «Иди ко мне, Ермолай. Здесь покой. Здесь забвение. Здесь нет войны и горя». Я уж шагнул было, а икона как нагреется! Обожгла руки! Я очнулся – лежу на берегу, в Кадницах, верст за двадцать от города. Мокрый, замерзший, а икона в руках. И понял я...

Бурмистров посмотрел на Вересова в упор:

– Он не ушел. Он затаился. И готовит удар. Мост твой – это врата. Он хотел их получить, чтоб открыть дорогу своей силе в наш мир. Мы ему помешали, но врата остались. Теперь он будет бить в них, пока не пробьет. И если пробьет – вся тьма, что под водой, выйдет наружу. И не только в Нижнем. По всей Волге. По всей России.

В комнате повисла тишина. Слышно было, как потрескивает свеча и где-то далеко, на кремлевской башне, бьют часы.

– Что делать? – спросил Вересов.

Бурмистров встал, расправил плечи:

– Идти к нему. Всем миром. Не с серебром, не с ружьями – с верой. Надо освятить мост заново. Но не батюшке это делать, а нам. Грешным, но верующим. Крестным ходом пройти по нему, с молитвой, с иконой. И тогда либо он отступит навсегда, либо...

– Либо что? – спросил Русанов.

– Либо мы останемся там, с ним. Навсегда. Но иного пути нет.

Глава 9.

На следующий день они пришли к архиерею. Владыка был старый, мудрый, выдавший виды. Выслушал, не перебивая. Потом долго молчал.

– Знаю я это место, – наконец сказал он. – Еще прадеды сказывали: на Стрелке место не простое. Когда ярмарку ставили, старец один приходил, предупреждал: не ставьте тут торжище, тут капище было. Не послушали. Деньги дороже веры оказались. А теперь...

Он вздохнул и благословил:

– Идите. Я дам вам хоругви, дам святыни. Но главное – в вас самих должно быть. Вера ваша спасет вас. Или погубит.

Канун битвы. Ночь.

Они собрались в маленькой церкви в Печерах. Кроме троих – Вересова, Русанова и Бурмистрова – было еще несколько человек: старый понтонер, который видел Гостя на воде, две старухи-богомолки, согласившиеся идти с иконами, и молодой солдат-фронтовик, приехавший в отпуск и случайно услышавший разговор.

– Чего тут думать, – сказал солдат, поглаживая георгиевский крест. – Я с немцем воевал, смерть в глаза видел. А тут, выходит, главный враг – под водой сидит. Надо идти, братцы. За Россию.

В полночь вышли из церкви. В руках – иконы, хоругви, кресты. Впереди – Бурмистров с Казанской. За ним – Вересов, опирающийся на палку. Дальше – остальные.

Город спал. Только собаки выли на разные голоса, да ветер гнал по улицам сухие листья. Мост. Полночь.

Когда они вышли на мост, луна скрылась за тучами. Стало темно, хоть глаз выколи. Только огоньки лампадок у икон теплились.

Первые шаги были легкими. Но чем дальше они углублялись на мост, тем тяжелее становилось идти. Воздух будто сгустился, стал вязким, как кисель.

– Господи, помилуй, – зашептали старухи.

Вода внизу заволновалась. Из темноты начали подниматься фигуры. Те же самые, что и в прошлый раз. Утопленники. Только теперь их было больше. Сотни. Они выходили из воды, становились на лед, на опоры, на перила. Окружили крестный ход плотной стеной.

– Не бойтесь, – громко сказал Бурмистров. – Они только тени. Им власти над нами нет, пока мы с верой идем.

Фигуры потянули руки к старухам. Одна из них вскрикнула и чуть не выронила икону. Солдат подхватил ее:

– Держись, бабка! Не отдавай!

Впереди, на середине моста, возник он. Господин Ч. Теперь он не улыбался. Лицо его было страшным – мертвенно-бледным, с черными провалами глаз.

– Вы пришли, – сказал он. Голос его шел отовсюду – из воды, из воздуха, из-под земли. – Глупые смертные. Думаете, ваши иконы помогут? Я здесь тысячу лет. Я видел, как ваши боги приходили и уходили. Я переживу и вас.

– Врешь! – крикнул Вересов, выступая вперед. – Не переживешь! Потому что мы – живые! А ты – только тень!

Он поднял крест над головой и шагнул прямо на Гостя.

Битва.

И тут началось...

Волга вздыбилась. Огромная волна поднялась из-под моста и рухнула на крестный ход, но... не коснулась их. Словно невидимая стена защищала людей.

Гость закричал. Он метался по воде, пытаясь прорваться к ним, но каждый раз натывался на свет, исходящий от икон.

– Держите строй! – орал Бурмистров. – Не размыкайте круг!

Утопленники бросились в атаку. Они хватали за руки, за ноги, пытались оттащить людей к перилам, сбросить в воду. Старухи визжали, но икон не выпускали. Солдат бил прикладом направо и налево, но приклад проходил сквозь призраков, не причиняя вреда.

– Верой бейте! Верой! – крикнул Русанов, который вдруг понял, что здесь, в этом месте, действуют другие законы.

Он сам не верил до конца, но сейчас, глядя в пустые глаза мертвецов, он закричал:

– Христос воскрес!

И утопленник, тянувший к нему руки, отшатнулся, зашипел и растаял.

– Христос воскрес! – подхватили все.

Свет от икон вспыхнул ярче. Он растекался по мосту, заливая всё вокруг. Тени отступали, таяли, исчезали.

Гость забился в агонии. Он рос, увеличивался, пытаясь накрыть собой весь мост, стать тьмой, поглотившей свет. Но свет не гас. Он разгорался всё сильнее.

– Время! – закричал Бурмистров. – Инженер, время!

Вересов понял. Он вышел вперед, встал на самом краю моста, прямо над бездной, и громко, чтобы слышали все – и живые, и мертвые, и сам Гость, – произнес:

– Я, Николай Андреевич Вересов, инженер, строитель моста сего, отрекаюсь от договора, заключенного мной двадцать лет назад! Забирай свой чертеж! Забирай свою плату! Я ничего тебе не должен! Я Божий человек!

Он разорвал на груди рубаху, обнажив нательный крест, и шагнул вперед, прямо к Гостю.

Гость закричал так, что у людей кровь из ушей пошла. Он рванулся к Вересову, чтобы утащить его в бездну, но крест на груди старика вспыхнул ослепительным светом.

И Гость... раскололся.

На тысячи осколков. Как зеркало. Как лед на реке весной. Осколки со звоном посыпались в воду, и Волга поглотила их.

Утопленники исчезли все разом. Тучи разошлись. Луна вышла из-за облаков и залила мост серебряным светом.

Тишина.

Только вода плещется внизу, да где-то далеко петух запел – первую утреннюю песню.

Рассвет.

Они стояли на мосту, обессиленные, мокрые от пота и брызг, но живые.

Вересов покачнулся. Русанов подхватил его.

– Жив, старик?

– Жив, – прошептал Вересов. – Кажется, жив.

Бурмистров опустился на колени прямо на чугунные плиты и начал молиться. Старухи подхватили. Солдат стоял, глядя на Волгу, и крестился.

– Ушёл? – спросил он.

– Ушёл, – ответил Русанов. – Кажется, насовсем.

Он посмотрел на воду. Она была спокойной, мирной, обычной. Никаких теней, никакого шевеления. Только отражалась в ней луна, да звезды мерцали.

Вересов посмотрел на свой мост. Он стоял. Целый, невредимый.

– Выстоял, – прошептал он. – И душа моя цела.

Весна 1917 года выдалась ранняя. Волга вскрылась, пошла вода, шуга громыхала, набиваясь под опоры моста.

Николай Андреевич Вересов умер в марте. Тихо, во сне, как и сказано было раньше. Похоронили его на старом кладбище за городом, откуда видно мост.

На похоронах было трое: Русанов, Бурмистров и тот самый солдат, который участвовал в крестном ходе. Солдат оказался из крестьян, звали его Иван, и он потерял на войне руку.

– Царство небесное инженеру, – сказал Иван. – Хороший человек был. Настоящий.

Русанов уехал в Петроград через неделю. На прощание Бурмистров сказал ему:

– Ты, Алексей Иванович, если что – приезжай. Место теперь чистое. Но всё равно... ты это... помни. Место есть место. Долго пустым не бывает.

Русанов кивнул и уехал.

А Бурмистров остался. Он купил новый амбар, завел новое дело, но старую веру не забывал. Каждую ночь, ровно в полночь, он выходил на мост, становился посередине, крестился и шептал:

– Господи, помилуй.

И Волга молчала. Мирно, спокойно, по-весеннему шумно.

Но иногда, в самые темные ночи, когда луна прячется за тучи, а ветер воет в фермах моста, старые рыбаки говорят, что видят на воде тень человека в цилиндре. Стоит, смотрит на город, ждет.

Ведь тьма никогда не уходит насовсем. Она только ждет своего часа.

Нижегородский мост, построенный по проекту инженера Вересова, простоял до 1930-х годов, когда был заменен на новый. Старый мост разобрали. Но старожилы говорят, что по ночам на том месте до сих пор слышны шаги и тихий плеск воды, будто кто-то ходит под мостом, не в силах найти покой.

Место есть место.

Глава 10.

1895 год. Петербург. Институт.

Николай Вересов, студент выпускного курса, стоял на набережной Невы и смотрел, как разводят мосты. Рядом с ним, чуть поодаль, стояла девушка в светлом платье. Она тоже смотрела на мосты, и в глазах ее было что-то такое... родное.

Они познакомились случайно, в читальном зале Публичной библиотеки. Она тянулась за книгой на верхнюю полку, он помог. Книга оказалась – «Мосты и архитектура».

– Вы тоже интересуетесь мостами? – спросил он, глупо улыбаясь.

– Я интересуюсь всем, что соединяет людей, – ответила она и улыбнулась так, что у Николая перехватило дыхание.

Ее звали Елена. Елена Сергеевна Строганова. Дочь профессора, дворянка, умница, красавица. Казалось бы – не пара простому парню с Волги. Но Елена не смотрела на происхождение. Она смотрела в глаза.

Лето 1895 года. Царское Село. Они гуляют по парку, он рассказывает ей о Волге, о Городце, о том, как пахнет река весной, как поют бурлаки, как хочется построить мост – самый красивый в мире.

– А ты будешь на нем стоять, Лена, – говорил он. – И никто, кроме нас, не будет знать, что этот мост – для тебя.

Она смеялась и клала голову ему на плечо.

Осень 1895 года. Квартира профессора Строганова. Николай пришел просить руки. Профессор принял его холодно, но вежливо.

– Вы талантливый молодой человек, Вересов. Но что вы можете дать моей дочери? Мосты, которые еще не построены? Мечты? У нее есть жених – барон Корф, с состоянием, с именем. Подумайте.

Николай думал. Думал всю ночь, бродил по Петербургу. А наутро написал письмо: «Я уезжаю в Нижний. Я построю мост. Я докажу, что достоин тебя. Жди».

Она ждала.

1896 год. Нижний Новгород. Встреча с гостем.

В тот самый день, когда Николай впервые увидел Господина Ч. на Стрелке, он получил письмо от Елены. Она писала, что отец болен, что жених настаивает на свадьбе, что она больше не может ждать. «Если ты любишь меня – приезжай. Сейчас. Или будет поздно».

Николай сжал письмо в руке. А перед ним стоял Гость и предлагал чертеж, славу, дело всей жизни.

– Выбор за вами, молодой человек, – улыбнулся Гость. – Мост или любовь. Слава или семья. Впрочем, у вас еще есть время. Подумайте.

Николай подумал. И выбрал мост.

Он написал Елене ответ: «Прости. Я не могу. Я должен закончить дело. Я вернусь к тебе с победой».

Она не ответила.

1916 год. Нижний Новгород.

После битвы на мосту, разбирая старые бумаги, Вересов нашел то самое письмо, которое так и не отправил. Оно лежало в ящике стола двадцать лет. Он просто не нашел сил его отдать.

Русанов, увидев старика, плачущего над пожелтевшим конвертом, осторожно спросил:

– Кто она?

Вересов рассказал всё.

– А что с ней стало?

– Вышла замуж за барона. Уехала за границу. Говорят, умерла в прошлом году в Париже. От испанки. Так и не увидела мост.

Русанов помолчал, потом сказал:

– Знаешь, Николай Андреевич, а ведь она тебя любила. Иначе бы не ждала так долго.

– Знаю, – тихо ответил Вересов. – И мост этот... он не для славы был. Он для нее. Но я слишком поздно это понял.

Перед самой смертью, весной 1917-го, Вересов попросил отнести его на мост. Бурмистров и Русанов довели старика до середины пролета. Он постоял, глядя на воду, потом достал то самое письмо, поцеловал его и разорвал в клочки. Клочки полетели в Волгу.

– Прости, Лена, – прошептал он. – Я построил. Смотри.

Через три дня его не стало.

Глава 11.

Осень 1916 года. Нижний Новгород. Гостиница.

Русанов жил в той же гостинице, что и Вересов. Кормили плохо, номера были сырые, но сыщик не жаловался – не привык.

Однажды вечером в общем зале он увидел женщину. Молодая, лет тридцати, в траурном платье, с бледным, но красивым лицом. Она сидела одна, пила чай и смотрела в окно, за которым лил осенний дождь.

Горничная шепнула Русанову:

– Это вдова купца Елисеева. Того самого, что под мостом нашли. Приехала тело забрать, да всё никак не уедет – то ли дел много, то ли сил нет.

Русанов заинтересовался. Елисеев был одним из утопленников, с которых началось расследование.

На следующий день он осмелился подойти.

– Простите за беспокойство, сударыня. Алексей Русанов, частный сыщик из Петрограда. Расследую обстоятельства гибели вашего супруга. Могу ли я задать вам несколько вопросов?

Она подняла на него глаза. Глаза были заплаканные, но в них теплился огонек – не потухший, живой.

– Садитесь, – тихо сказала она. – Муж мой, Петр Ильич, был хороший человек. Добрый, честный... Я не верю, что он мог утонуть сам. Он плавал как рыба.

Ее звали Анна Григорьевна. Ей было 28 лет, она была на двадцать лет моложе мужа – вышла за богатого купца по настоянию родителей, но, как ни странно, полюбила его. Искренне, по-настоящему.

Русанов, привыкший к лжи и цинизму, вдруг почувствовал что-то незнакомое. Ему захотелось защитить эту женщину, помочь ей, утешить.

Вечер в номере Анны. Она рассказывает о муже, о том, как он мечтал о детях, как хотел оставить дело и уехать в Крым. Русанов слушает и понимает, что в этом деле замешано нечто большее, чем просто убийство.

– Анна Григорьевна, – осторожно говорит он, – я должен рассказать вам правду. Даже если она покажется вам... странной.

И он рассказывает. Про Гостя, про договоры, про подводный город. Анна слушает, не перебивая, а потом вдруг говорит:

– Я знаю.

Русанов опешил:

– Что?

– Я знаю, – повторяет она. – Петр Ильич перед смертью говорил странные вещи. Бредил по ночам. Кричал про «немца в цилиндре», про то, что «срок подходит», просил прощения. Я думала – горячка. А теперь...

Она замолкает, потом поднимает глаза:

–Алексей Иванович, я хочу помочь. Я хочу понять. И если можно... отомстить.

Прогулка по кремлю. Они идут вдоль стены, внизу Волга, холодная, серая. Анна зябко кутается в шаль. Русанов снимает пальто, накидывает ей на плечи.

– Вы замерзнете, – говорит она.

– Я привык, – отвечает он. – Я, знаете, столько лет в холоде живу. После того как жена умерла...

Он осекается. Никогда никому не рассказывал.

– Расскажите, – тихо просит Анна.

И он рассказывает. Про жену, умершую при родах вместе с ребенком. Про то, как ушел со службы, потому что не мог больше видеть смерть. Про то, как стал частным сыщиком, чтобы хоть чем-то занять пустоту внутри.

– Я думал, сердце мое умерло, – заканчивает он. – А сейчас... не знаю.

Анна кладет руку ему на плечо:

–Не умерло, Алексей Иванович. Я чувствую.

Ночь перед битвой на мосту. Русанов приходит к Анне попрощаться. Он не знает, вернется ли.

– Я должен идти, – говорит он. – Если не вернусь... поминайте.

Она вдруг порывисто обнимает его:

–Вернитесь. Пожалуйста. Я не могу снова потерять.

Он целует ее в лоб и уходит.

Русанов вернулся. Живой, но еле стоящий на ногах. Анна ждала его на набережной всю ночь, продрогла, промокла под дождем, но не ушла.

Увидев его, она бросилась навстречу, повисла на шее, зарыдала.

– Живой... живой...

Он гладил ее по мокрым волосам и шептал:

–Живой. Теперь живой.

Весна 1917 года. Проводы.

Русанов уезжал в Петроград. Анна стояла на перроне, кутаясь в ту самую шаль.

– Я вернусь, – сказал он. – Как только закончится эта каша. Я вернусь за тобой.

– Я буду ждать, – ответила она. – Я умею ждать.

Он уехал. А она осталась. В Нижнем, в доме покойного мужа, одна. Смотрела на Волгу и ждала.

Но грянула революция, потом война гражданская, потом... Русанов оказался в Париже. Писал письма, но доходили ли они? Анна не отвечала.

1920 год. Париж – Нижний Новгород.

Русанов, старый, больной, доживал свой век в русском пансионе под Парижем. Писал мемуары. И каждую ночь ему снилась Анна.

Однажды ему принесли письмо. С обратным адресом: «Нижний Новгород, улица Рождественская». Дрожащими руками он вскрыл конверт.

«Алексей Иванович, если вы живы – приезжайте. Я всё та же. И я всё жду. Ваша Анна».

Он умер через неделю. От счастья, сказал доктор. От разрыва сердца. В руках у него нашли фотографию – женщина в траурном платье, бледная, красивая, с живыми глазами.

Они так и не встретились. Но их любовь осталась в этой истории – тихая, грустная, настоящая.

Глава 12.

Осень 1916 года. Нижний Новгород. Лазарет.

Иван, тот самый солдат, что пошел с крестным ходом, был ранен под Барановичами и приехал в Нижний долечиваться. Жил у тетки, ходил на перевязки в лазарет на Верхне-Волжской набережной.

Там он и увидел Машу. Маша была сестрой милосердия – молоденькая, лет девятнадцати, с косичками и огромными серыми глазами. Она меняла ему повязки, и руки у нее были легкие, теплые.

– Больно? – спрашивала она.

– Никак нет, – отвечал Иван, хотя было больно. Но при ней он готов был терпеть что угодно.

В лазарете. Иван выздоравливает, но специально задерживается, чтобы лишний раз увидеть Машу. Она смеется:

– Вы, Иван, притворяетесь. Рана уже зажила, а вы всё ходите.

– А я, Машенька, душой прихожу. Душа у меня раненая. Только вы и можете исцелить. Она краснеет и убегает.

На набережной. Случайная встреча. Иван провожает Машу после смены. Они идут вдоль Волги, он рассказывает про войну, про фронт, про то, как страшно, когда рядом рвутся снаряды.

– Я молюсь за вас, – тихо говорит Маша. – Каждый вечер молюсь. Чтобы вернулись.

Иван останавливается:

– А за себя? За себя молишься?

– Зачем? Я тут, в тылу, в тепле. А вы там...

– Ты – это и есть мой тыл, Маша. Поняла? Если ты есть – я вернусь. Обязательно вернусь.

Ночь перед крестным ходом. Иван приходит к Маше прощаться. Не говорит куда идет – нельзя. Просто:

– Мне надо идти. Дело одно. Страшное дело. Может, не вернусь.

Маша бледнеет:

– Иван, не ходи. Прошу тебя. Останься.

– Не могу, – качает головой Иван. – Там люди наши. Инженер старый, купец, сыщик...

Им помощь нужна. А я солдат. Мое дело – защищать.

Она смотрит на него, и в глазах слезы:

– Тогда возьми. – Она снимает с шеи маленький образок Николая Чудотворца. – Бабушкин. Всю войну простоял. Спасал. Пусть и тебя спасет.

Иван надевает образок, целует Машу в лоб и уходит в ночь.

На мосту.

Во время битвы, когда утопленники набросились на крестный ход, один из них схватил Ивана за горло. Холодные пальцы сдавили дыхание, в глазах потемнело. Иван уже терял сознание, но вдруг образок на груди обжег кожу, вспыхнул теплым светом. Утопленник зашипел и отшатнулся.

– Жив, парень? – крикнул Бурмистров.

– Жив, – прохрипел Иван, трогая образок. – Маша спасла.

После битвы.

Весной 1917 года Иван и Маша обвенчались в маленькой церкви в Печерах. На свадьбе были Бурмистров и Анна Григорьевна. Русанов прислал телеграмму из Петрограда.

Молодые стояли у алтаря – он без руки, с георгиевским крестом на груди, она в простом белом платье, счастливая, светлая.

Батюшка прочитал проповедь:

–Любовь, говорят, от Бога. Но я вам скажу: любовь – это и есть Бог. Потому что только любовь побеждает смерть. Только любовь проходит сквозь тьму и выводит к свету.

Иван посмотрел на Машу и улыбнулся. Образок Николая Чудотворца висел у него на груди, рядом с крестом.

1920-е годы.

Иван и Маша остались в Нижнем. Иван работал грузчиком на пристани – одной рукой, но справлялся. Маша родила ему троих детей. Жили бедно, но дружно.

По вечерам Иван выходил на мост (новый, советский, железобетонный), смотрел на Волгу и крестился. Иногда ему казалось, что в сумерках мелькает тень человека в цилиндре. Но он не боялся.

– Здесь теперь свет, – говорил он. – Мы его принесли. И любовь наша его держит.

А Маша ждала дома. С ужином, с детьми, с теплом.

И так и жили.

История сохранила имена инженера Вересова и купца Бурмистрова. Сыщик Русанов умер в эмиграции, оставив мемуары. А солдат Иван и сестра милосердия Маша прожили долгую жизнь и умерли в один день, как и положено тем, кто любил по-настоящему.

Говорят, их до сих пор иногда видят на мосту – старика и старуху, сидящих на скамейке и глядящих на Волгу. Он без руки, она с косичками. Сидят и смотрят.

И Волга молчит. Мирно. Спокойно.

Потому что любовь победила.

Часть 3.

Глава 13.

Еще нет Нижнего Новгорода. Есть только высокий берег, где Ока впадает в Волгу, есть густые леса и есть люди – мера, древнее племя, живущее здесь испокон веков.

Ночь. На Стрелке горят костры. Вокруг них – фигуры в звериных шкурах, с раскрашенными лицами. Шаман бьет в бубен, поет горловым пением. Люди раскачиваются в трансе.

Шаман (кричит, обращаясь к воде):

–О великий Хозяин Воды! Владыка двух рек! Прими нашу жертву! Дай рыбы, дай удачи, не топи наших лодок!

Из воды поднимается фигура. Она еще не имеет человеческого облика – это сгусток тьмы, внутри которого мерцают холодные огоньки. Голос идет отовсюду:

– Я принимаю жертву. Но этого мало. Я хочу больше. Я хочу ваши души. Все до одной. Когда-нибудь я приду за ними.

В воду бросают связанного пленника. Тьма поглощает его. Люди падают ниц. Костер вспыхивает ярче, освещая лица – испуганные, замороженные, потерянные.

Тогда он был богом.

Смутное время. 1612 год.

Нижний Новгород. Канун ополчения.

Тьма не исчезла. Она затаилась, ждала. И когда Русь раздирали смута и безверие, она выползла снова.

В подвалах Печерского монастыря прятался монах-расстрига по имени Феофан. Когда-то он был ученым книжником, но гордыня и зависть привели его к чернокнижию. Он выкрал из монастырской библиотеки древнюю книгу на непонятном языке – ту самую, что еще мерянские шаманы передавали друг другу.

Феофан (шепчет над свечой):

–Я вызываю тебя, Дух Воды! Дай мне силу! Я хочу власти над людьми! Я хочу, чтобы меня боялись!

Из угла подвала выползает тень. Она принимает облик монаха – но с черными провалами глаз и слишком длинными руками.

– Ты звал меня, чернец? Я пришел. Но ты знаешь плату?

– Знаю. Душу. Забирай. Она мне все равно не нужна – я хочу жить здесь, на земле, властвовать!

Тень смеется:

–Глупый. Ты не понимаешь, что отдаешь. Но пусть будет так. Я дам тебе силу. А когда придет срок – ты станешь моим навеки.

Феофан получил силу. Он стал колдовать, насылать порчу на воевод, мутить народ. Но когда Минин собирал ополчение, народ пошел за праведным словом, а не за темной силой. Феофана изгнали, он бежал в леса и там пропал.

Говорят, до сих пор по ночам в Заволжских лесах видят черного монаха, который ищет заблудившихся путников и заманивает их в болота.

Тогда он был бесом.

Глава 14.

Ярмарка 1858 году только начинала набирать силу. Купцы съезжались со всей России и из-за границы. Деньги текли рекой.

В том году на ярмарке появился странный господин. Он назвался купцом из Гамбурга, говорил с легким акцентом, носил безупречный сюртук и цилиндр. Снимал лучший номер в гостинице, платил золотом, ни с кем не торговался.

Звали его Герман Шульц.

К нему выстроилась очередь из купцов. Шульц продавал диковинные товары: швейные машинки, которые шили сами; часы, которые никогда не отставали; ткани, которые не выцветали. Товары были отличные, цены – божеские.

Только одно было странно: Шульц никогда не выходил на солнце. И никогда не ел при людях. И у него не было тени.

Купец Бурмистров-старший (дед того самого Ермолая) тогда впервые увидел Гостя. Он сразу понял: нечисто. Подошел, перекрестился и спросил напрямик:

– Ты кто таков, мил человек? Немец, говоришь? А чего по-нашему лопочешь без акцента? И тени у тебя нет. Объяснись.

Шульц улыбнулся той самой ледяной улыбкой:

– Я коммерсант, любезный. А тень моя... устала, отдыхает. Ты лучше скажи: товар брать будешь?

– Не буду, – отрезал Бурмистров-старший. – Нечистым не торгую.

Он ушел, а Шульц посмотрел ему вслед и прошептал:

– Упрямый. Но род твой еще придет ко мне. Я подожду.

Тогда он был немцем.

Глава 15.

Гражданская война 1918 года. Красные и белые рвут страну на части. В бывшей гостинице, где когда-то жил Вересов, теперь разместилась Чрезвычайная комиссия – ЧК.

Комиссар Лев Гроссман – молодой, фанатичный, жестокий. Он верит в мировую революцию, в то, что старый мир надо разрушить до основания. Идейный, но с пустотой в душе.

Ночью он допрашивает «контрреволюционера» – бывшего купца, у которого нашли иконы. Купец молчит. Гроссман в бешенстве.

Выходит, в коридор покурить. И видит – в конце коридора стоит человек. В черной кожаной куртке, в фуражке, но без знаков различия. Лица не видно.

– Кто вы? – окликает Гроссман.

Человек подходит. Лицо молодое, красивое, но глаза... в глазах нет зрачков. Только чернота.

– Я товарищ из центра, – говорит человек. Голос ровный, без интонаций. – Прислан помочь в борьбе с контрреволюцией. У вас плохо идут допросы. Я научу, как надо.

Гроссман хочет спросить, откуда он знает, но человек уже идет в камеру.

Через час купец подписал все признания. А через неделю его расстреляли. Но перед смертью он успел крикнуть Гроссману:

– Ты с кем связался, ирод?! Это же нечистый! Он тебя погубит!

Гроссман не слушал. Он был занят. Новый «товарищ из центра» помог ему раскрыть десятки заговоров. Попытки стали изощреннее, признания – быстрее.

А через полгода Гроссмана самого арестовали свои же. И на допросе он вдруг увидел знакомое лицо – тот самый «товарищ» сидел за столом следователя.

– Ты? – прохрипел Гроссман. – Ты же...

– Я же ваш, – улыбнулся тот. Но улыбка была ледяной. – Я всегда там, где власть. Где насилие. Где тьма. Спасибо за службу, Лев. Ты был хорошим орудием. А теперь...

Гроссман закричал, но крик оборвался. Утром его нашли в камере мертвым. Сердце не выдержало, сказал врач. А на стене кто-то нацарапал странный знак – такой же, как на груди уопленников под мостом.

Тогда он был чекистом.

Глава 16.

Война 1942 года. Город бомбят. Немцы рвутся к Волге. По льду через реку идет Дорога жизни – везут боеприпасы, хлеб, эвакуируют раненых.

На стрелке стоит зенитная батарея. Командир – старший лейтенант Иван Иванович, тот самый солдат, что когда-то ходил с крестным ходом. Теперь он старый, седой, без руки, но военком не дал бронь – пошел в ополчение.

Ночью дежурный докладывает:

– Товарищ командир, на льду кто-то стоит. Не наш, не немец. Просто стоит.

Иван Иванович выходит. На льду, ровно посередине реки, стоит фигура. В длинной шинели, в буденовке, но лица не видно – только чернота.

– Эй! – кричит Иван Иванович. – Кто такой?

Фигура поворачивается. И вдруг идет по льду прямо к ним. Не скользит, не падает, идет как по асфальту.

Подходит ближе. Лицо... лицо молодое, красивое, но без зрачков. Иван Иванович холодеет. Он узнал эти глаза. Он видел их однажды, на мосту, много лет назад.

– Здравствуй, Иван, – говорит фигура. – Я к тебе. Дело есть.

– Пошел прочь, – крестится Иван Иванович. – Нечистая сила! Сгинь!

Фигура смеется:

– Какая же я нечистая? Я советский офицер. У меня задание. Надо взорвать лед, чтобы немцы не прошли. А у вас взрывчатки мало. Я помогу.

– Не надо твоей помощи! – кричит Иван. – Огонь!

Зенитчики открывают огонь. Пули проходят сквозь фигуру, не причиняя вреда. Фигура стоит, улыбается.

– Стреляйте, стреляйте. Мне не больно. А вот вам больно будет. Если немцы пройдут – всех постреляют. Подумай, Иван. Я даю тебе силу. Ты победишь. Только попроси.

Иван Иванович молчит. Потом достает из-за пазухи образок Николая Чудотворца – тот самый, Машин – и поднимает его над головой.

– Изыди, сатана! Христос с нами!

Образок вспыхивает тусклым светом. Фигура отшатывается, шипит, пятится назад по льду. И вдруг лед под ней трескается. Фигура проваливается в черную воду.

Наутро Иван Иванович нашел на льду только прорубь. И больше ничего.

А немцы не прошли.

Тогда он был искусителем.

Глава 17.

Брежневская эпоха 1970-х годов. Город растет, строятся новые микрорайоны. На Стрелке, где когда-то стояла ярмарка, теперь пустырь. Но рядом, на берегу, возводят новый речной вокзал – огромное здание из стекла и бетона.

Главный инженер проекта – молодой, амбициозный Сергей Михайлович. Он не верит ни в Бога, ни в черта, верит только в прогресс и в план.

Стройка идет тяжело. Сроки горят, материалы воруют, рабочие пьют. Сергей Михайлович на грани срыва.

Однажды вечером он сидит в своей бытовке, пьет чай и смотрит в окно. На Волгу опускается туман. И вдруг из тумана выходит человек. Обычный, в сером плаще, с портфелем. Подходит к бытовке, стучит.

– Входите, – говорит Сергей Михайлович.

Человек входит. Ничем не примечательный, лет сорока, с вежливой улыбкой. Садится без приглашения.

– Я из министерства, – говорит он. – Есть возможность решить ваши проблемы. Дать дополнительные фонды, материалы, рабочую силу. Но есть один нюанс.

– Какой? – настораживается Сергей Михайлович.

– Вокзал должен быть сдан точно в срок. Ровно через два года. Ни днем позже. В день открытия, в полночь, вы должны прийти на это место – туда, где мы сейчас сидим. И подписать акт приемки. Лично.

– И всего-то? – удивляется Сергей Михайлович. – А что взамен?

– Взамен? – улыбается человек. – Да ничего особенного. Просто ваша подпись. И ваше слово.

Сергей Михайлович соглашается. Фонды дают, стройка идет ударными темпами. Вокзал сдают ровно в срок – 7 ноября, к празднику.

В полночь Сергей Михайлович приходит на Стрелку. Тот человек уже ждет. Протягивает акт приемки и ручку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.